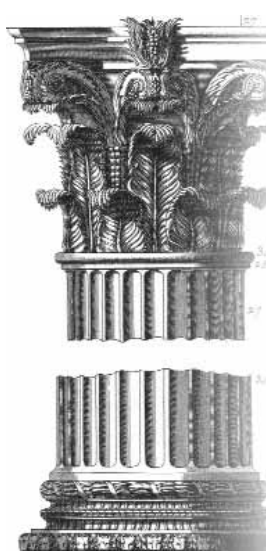

Дмитрий Медведев

Версия политической биографии

Вадим СТАНИСЛАВСКИЙ

О новом российском президенте – Дмитрии Медведеве – сегодня принято говорить как об убежденном либерале. Что скрывается в российском общественном сознании за этим определением, не всегда понятно. Чаще всего – некоторый набор расхожих клише: юрист, не силовик, внешне интеллигентный человек, не похожий ни на грузного хозяйственника черномырдинского типа, ни на поджарого выходца из органов в духе Сергея Иванова.

Медведев оказывается либеральным политиком не столько по своим взглядам, сколько в силу принадлежности к определенному профессиональному кругу, либеральным не столько даже идеологически, сколько социально. Существует ведь представление об обязательной, своего рода имманентной либеральности юридической и преподавательской интеллигенции – представление, а точнее, популярный миф.

В действительности юристами и даже «сыновьями юристов» в России могли быть не только либералы, но и «либерал-демократы». Один видный жириновец, например, возглавлял «Юридическую газету», другой крупный национал-державник являлся деканом юридического факультета в своем родном городе, во фракции коммунистов в Думе всегда легко было заметить и бывших прокуроров, и действующих адвокатов. В общем, само по себе юридическое образование и интеллигентное лицо, разумеется, ни о каких либеральных взглядах не свидетельствовали*.

Либеральный бэкграунд

О провержению мифа о «либерализме Медведева» посвящено уже немало статей как в России, так и на Западе. Возможно, «либерализм» Медведева разоблачают даже чаще, чем находят ему подтверждения. Причем в отрицании медведевского либерализма сходятся как противники российской власти, так и некоторые ее сторонники. И те и другие призывают не выделять нового российского президента из всего сообщества кремлевской элиты, намекая на то, что в Кремле никаким либерализмом не пахнет и что с приходом нового лидера никаких либеральных перемен не ожидается.

Парадоксально, но все эти опровержения только укрепляют миф: что-то либеральное и в биографии Медведева, и в его словах и поступках все же обнаруживается. Прежде всего, самое общее: Медведев – выходец из ленинградской коман-

* Однако в случае с Медведевым все как раз так, «как должно быть». Вот что пишет, например, Николай Сванидзе, автор книги о новом российском президенте, отрывки из которой публикует «Российская газета»: «Университетские традиции в широком смысле в дореволюционной России всегда носили демократический характер. Советская университетская школа в лице лучших своих представителей принципиально старалась эти традиции по возможности поддерживать и передавать по наследству. Основа этих традиций – свобода дискуссии, уважение инакомыслия, возможность спора, несмотря на чины и звания. У Медведева был учитель, который, бесспорно, привержен этим традициям. Академик Толстой, ученик легендарного академика Венедиктова, воспитанного в Петербургском университете еще до 1917 года». («Российская газета», федеральный выпуск № 4624 от 28 марта 2008 г.)

ды Анатолия Собчака, кузницы либеральных кадров, и, как сообщают некоторые эксперты, представитель той самой питерской школы гражданского права, сторонники которой вместе с Собчаком безуспешно ратовали за принятие отдельного (помимо Гражданского) Торгового (Коммерческого) кодекса для регулирования отношений бизнеса и власти*.

Поскольку первый карьерный взлет и начало трудовой деятельности будущего российского президента совпали с началом либеральных преобразований в стране, то либерализм (в том максимально широком смысле, в каком он процветал в умах интеллигенции начала 1990-х), разумеется, и стал для Медведева естественной средой, в какой формировались его политические пристрастия.

В статье, опубликованной 20 января 2004 года в британской газете Financial Times, Медведев, тогда еще глава президентской администрации, комментируя неутешительные для либералов итоги парламентских выборов в России, явно высказывал сожаление по поводу того, что ни «Яблоку», ни СПС не удалось пройти в Думу. Тогда же он выразил осторожную надежду, что «либералы не уйдут с политической арены, не в меньшей мере потому, что их цели разделяют миллионы россиян**». Скорее всего, эти сожаления отражают прежние электоральные предпочтения Медведева. Сложно предположить, что вместе с другими представителями своего круга и своего поколения он не голосовал на прошлых выборах за либеральные партии.

Вместе с тем в 2004 году будущий президент уже вполне определенно обозначил свои симпатии «консервативно-центристской программе», разделяемой большинством «Единой России», которая, вопреки ультралиберальному кредо, допускала ограниченное вмешательство государства в экономику с целью решения социальных проблем. Впрочем, оговаривался Медведев, отнюдь не «социальные программы станут самым важным средством преодоления бедности. Конкурентная экономика должна добиваться этого главным образом с помощью рынка – посредством модернизации производственных предприятий, создания новых рабочих мест и развития конкуренции». Мы видим, что у Медведева в бытность его главой Администрации президента уже проявляется заметный тренд в сторону либерализма социального, однако тренд этот пока, на уровне 2004 года, еще очень зыбок и не вполне артикулирован.

Либерализм и нацпроектирование

Реально проблематизация либерализма не просто как экономической, но и в целом социальной доктрины в речах Медведева обозначается лишь с запуском осенью 2005 года серии «национальных проектов», которые будущему президенту пришлось курировать в качестве первого вице-преьера в правительстве Михаила Фрадкова. О «национальных проектах» следует сказать несколько слов. Само их объявление было по существу скандалом в праволиберальных кругах: до осени 2005 года само слово «проект», тем более в купе с подозрительным прилагательным «национальный», являлось для ортодоксальных либералов почти табуированным.

Государство, согласно жесткой либеральной установке, которая вплоть до 2005 года составляла неофициальную доктрину российского правительства, вообще не должно было заниматься проектированием, тем более тратить на это заведомо пустое занятие деньги из государственного бюджета. Любые социально значимые государственные расходы поднимали уровень инфляции, а она в свою очередь сдерживала активность бизнеса.

Между тем вкладывать свои деньги в дешевое, незлитное, образование и здравоохранение, не говоря уже о сельском хозяйстве, российский бизнес-класс явно не спешил. А в то же самое время, как выразился однажды известный российский экономист Александр Аузан, наша страна впервые за тысячу лет становилась богатым государством: накопления от нефте-

* См.: Окара А. Страшная тайна Дмитрия Медведева // Медведев. Маленькое зло. М.: ИНС, 2008.

** Медведев Д. А. Национальные приоритеты. Статьи и выступления. М.: Европа, 2008. С. 30.

газоэкспорта росли в громадных масштабах: с 500 млрд. руб. в 2004 году до 1,5 трлн. руб. в 2006 году. Становилось понятно, особенно в ситуации усиления протестных настроений в стране в начале 2005 года, что государство в условиях растущего бюджетного профицита не может отстраниться от общества, а реформы не могут свестись к последовательному сокращению государственных расходов. Необходима была какая-то новая модель взаимодействия государства и частного сектора.

В апреле 2005 года в интервью журналу «Эксперт», на страницах которого в том же самом году развернулась острая полемика о «социальных» издержках либерально-капиталистического курса, Медведев (видимо, сознавая, что его новая деятельность несколько выламывается из логики прежнего либерального реформирования) в какой-то степени попытался примирить идею государственной активности с одновременным развитием частного сектора: «государству в одиночку не справиться с бедностью. <...> это закрепляет вредные патерналистские подходы в государстве*». Государство должно способствовать развитию частных рынков и в известной степени оказывать – в законной, разумеется, форме – давление на него с целью масштабного переустройства всего общества.

Идея государственной активности с целью социальной переориентации бизнеса становится доминантной темой во многих последующих выступлениях Медведева, вплоть до совсем недавних признаний о разочаровании в тех иллюзиях, «которые многие из нас испытывали в девяностые годы, что можно разрушить старое государство и создать новое гражданское общество**». Согласно новому взгляду, характерному для Медведева середины 2000-х, государству следует действовать в союзе с гражданским обществом, но, самое главное, формировать фундамент, основы этого союза.

По мере роста доходов выяснялось, что программа либеральных экономических преобразований была разработана в первую очередь для бедного государства, государства-должника, государства-банкрота. Отсюда – жесткий бюджетный консерватизм кудринско-грефовского толка и отсюда же – выдвигаемая в качестве приоритетного требования тогдашним советником президента Андреем Илларионовым задача за счет средств Стабфонда расплатиться по долгам с западными кредиторами.

Проблема в том, что российская экономическая наука просто не имела времени глубоко осмыслить новую ситуацию, в которой оказалась страна с увеличением доходов от нефтедобычи. Теперь отказ государства от инвестиционной активности выглядел уже не только странно, но был почти преступным в глазах миллионов россиян, которых понуждали «подтянуть пояс» все девяностые годы и которые в новой ситуации естественным образом потребовали возмещения за материальные трудности эпохи государственного коллапса.

Внятных рецептов и предписаний на этот случай почти ни у кого не было, и потому в преддверии выборов решения оказались сколь быстрыми, столь и амбивалентными – национальные проекты и крупные государственные корпорации. Если первые были ориентированы на решение социальных проблем, то вторые – на обеспечение прорывных направлений экономического развития. Сейчас не время и не место оценивать результаты этой последней, условно говоря социал-патриотической, путинской экономической политики. Что-то, вероятно, удалось, что-то в еще большей степени не удалось. Однако уже с 2007 года, со времени выхода Медведева в финал гонки преемников, в его выступлениях стала звучать одна и та же мысль: государство буксует в реализации своих программ, поскольку наталкивается на две проблемы – неэффективность административного аппарата и дефицит правосознания.

«Мы же знаем особенности нашего национального характера, – жаловался Медведев журналисту Николаю Свиридзу. – Мы действительно не законопослушные люди, это правда. В нас это проявляется в массе бытовых привычек. У нас

* Медведев Д. А. Национальные приоритеты. Статьи и выступления. М.: Европа, 2008. С. 393.

** Беседа с представителями СМИ Центрального федерального округа 24 января 2008 года. Воронеж // http://www.medvedev2008.ru/live_press_01_24_smi.htm.

это есть и на самом верхнем уровне. Мы все правовые нигилисты до мозга костей. У нас система ориентиров зачастую сби-та с самого рождения...»*

Напомним, что идеал Медведева – это государство, стимулирующее развитие частного сектора и в союзе с ним реализующее важные социальные задачи. Так, например, в своей речи в Красноярске Медведев предложил коренным образом реформировать государственную структуру, курирующую дорожное строительство, – заменить ее на акционерное общество, принадлежащее государству, которое будет регулироваться в рамках специального законодательства. Это общество должно, по мысли Медведева, выполнять функции государственного заказчика, реализовывая крупные инвестиционные проекты. Но при этом оно не должно заниматься самостоятельно хозяйственной деятельностью – «для этого уже существует вполне конкурентная рыночная среда». Основной функцией такой компании должна быть координация строительства и эксплуатации дорог.

Теперь отказ государства от инвестиционной активности выглядел уже не только странно, но был почти преступным в глазах миллионов россиян, которых понуждали «подтянуть пояс» все девяностые годы и которые в новой ситуации естественным образом потребовали возмещения за материальные трудности эпохи государственного коллапса

Фактически Медведевым выдвигается программа умеренного социального либерализма, кстати, именно с ним почти что впервые обретшего в России свой голос как идейное течение, противостоящее, с одной стороны, либертарианству с его требованием минимального государства и одновременно – одностороннему этатизму социал-патриотической школы. Социал-либералами допускается государственная активность, но все же в качестве приоритетной задачи называется развитие частного сектора. Вероятно, именно в связи с администрированием национальных проектов Медведев вынужденно сталкивается с проблемой, обращение к которой проходит лейтмотивом в его выступлениях последних двух лет. Речь идет о проблеме коммерциализации самого государства – ситуации, когда государство в лице своих административных структур оказывается настолько пронизанным логикой экономических взаимоотношений, что становится принципиально не способным действовать в рамках закона, следовать правовой норме, необходимой для функционирования самого рыночного общества.

Апелляция к праву как основополагающей рамке либеральной экономики – признак институционального подхода к экономике, к положениям которого сегодня фактически обращается Медведев. Смысл институционализма, несколько упрощенно, состоит в том, что рыночная экономика не формируется на основе рынка, что ее базис – это нерыночные по сути своей институты. Например, правовые нормы. Но для обеспечения права необходимо государство, которое будут строить люди, принципиально чуждые коммерческим интересам. Проще говоря, государство с рыночной экономикой не могут строить люди с рыночной психологией. Но с другой стороны, экономические задачи государству уместнее решать, обращаясь за помощью к классу профессиональных управленцев. В февральском выступлении 2008 года на Красноярском экономическом форуме Медведев указывает на необходимость разделения бизнеса и власти: «Считаю, что нечего делать большинству госчиновников в советах директоров компаний. На их смену должны прийти по-настоящему независимые директора, нанимаемые государством для реализации своих интересов».

* «Российская газета». Федеральный выпуск № 4624 от 28 марта 2008 г. <http://www.rg.ru/2008/03/28/medvedev.html>.

Все издержки от реализации масштабных государственных проектов конца путинской эпохи: воровство, коррупция, пресловутые откаты – в так называемых праволиберальных кругах, разумеется, тут же получили объяснение в либертарианском, то есть антигосударственном, и часто антироссийском духе. Согласно точке зрения большинства российских либералов, государство оказалось непомерно большим, оно взяло на себя ненужные функции, и теперь России следует немедленно вернуться к концепции минимального государства, а для этого отказаться от социальных инвестиций и амбициозных госкапиталистических программ и отдать общество на откуп частному интересу. Медведев, однако, не выбрал эту стратегию рассуждения, впрочем, не отринув окончательно и целый набор не всегда стопроцентно верных представлений, почерпнутых из наследия экономического либерализма. Тем не менее ценность права, правового сознания, необходимость «действенной и эффективной судебной системы» становится для него приоритетной.

В риторике Медведева, оформившейся более-менее определенно к началу президентской избирательной кампании, свобода оказывается уже не просто изначальным условием материального благосостояния государства, но целью всей государственной политики. Иначе говоря, государство имеет своей задачей не только экономический рост и конкурентоспособность, но обеспечение людей набором тех институтов, которые дадут ему возможность быть свободным – в том числе высшим образованием, доступом к информации, здравоохранению*. Именно в контексте этой задачи и следует интерпретировать известное выражение Медведева, которое и принято считать основным подтверждением его либерального кредо: «свобода лучше, чем несвобода». Впрочем, на истории этого высказывания следует остановиться особо, поскольку история, связанная с ним, в определенной степени отражает начавшееся движение будущего российского президента от экономического либерализма к социальному.

История одной идиомы

В конце января 2007 года Дмитрий Медведев, выступая перед участниками Международного экономического форума в Давосе, впервые произнес фразу «свобода лучше, чем несвобода» (freedom is better than non-freedom). Впоследствии Медведев еще дважды повторял этот тезис, который стал своего рода девизом нового российского президента. Во всех трех случаях эти слова звучали как программное заявление.

Атмосфера давосского форума 2007 года была не слишком благоприятной для России. После газовых конфликтов с Украиной и Грузией страну нередко обвиняли в энергетическом шантаже. В Европе боялись «нового энергетического империализма» России, возрождения влияния Москвы на ближайших соседей, зависимости от российских энергоносителей. Медведев должен был успокоить занервничавших европейцев. «Возглавляя операцию по восстановлению имиджа России, потускневшего от мелких ссор с соседями и обвинений в использовании природных ресурсов в качестве дипломатического оружия, обычно замкнутый, он был расслаблен и готов к общению», – писало агентство Reuters.

Понимая, что в основе многочисленных фобий и комплексов Запада в отношении России лежат представления о принципиально отличном от европейского характере русской цивилизации, Медведев потратил немало сил, чтобы убедить западных партнеров в обратном. Главный месседж его выступления в Давосе: Россия в целом находится в рамках европейской цивилизационной модели, это ответственное демократическое государство, построенное на принципах рыночной эко-

* Едва ли можно счесть лишь общим местом формулировку Медведева, которая выглядит как совершенно внятное выражение социал-либерального кредо в духе Джона Дьюи или же Артура Шлезингера: «вся социальная деятельность и экономическая работа государства должны быть направлены на раскрытие творческого потенциала свободных и ответственных людей». Из выступления 22 января 2008 года на Втором Общероссийском гражданском форуме. // <http://www.edinros.ru/news.html?id=126928>.

номики, верховенства закона и подотчетности власти остальному обществу. «Мы хорошо понимаем, что еще ни одно недемократическое государство не стало по-настоящему процветающим, по одной простой причине: свобода – лучше несвободы», сказал Медведев в Давосе.

Первая реакция на его выступление была достаточно осторожной: так, английская Guardian усмотрела в речи Медведева «похвальное слово» в адрес СССР и почувствовала в ней «легкий привкус холодной войны». Это, конечно, было типичным проявлением пресловутых русофобских комплексов – речь была вполне миролюбивой и взвешенной. Принципиальную формулу – «свобода лучше несвободы» западные эксперты поначалу не оценили. Однако 11 февраля в Мюнхене выступил со своей знаменитой речью Владимир Путин, и вот тут-то Запад почувал, что такое настоящий привкус холодной войны.

У Медведева и раньше была репутация либерала, но после мюнхенской речи Путина все окончательно встало на свои места. 15 февраля Путин повысил сопровождавшего его в Мюнхен министра обороны Сергея Иванова до ранга первого вице-премьера, уравнив его в статусе с Медведевым. В Вашингтоне и Брюсселе забеспокоились всерьез: внешнеполитический курс Кремля все больше отклонялся от мейнстрима «стратегического партнерства» образца 2001 года, грозя войти в прямую конфронтацию с политической линией Запада. На фоне «ястреба» Иванова Медведев стал выглядеть еще большим либералом. Уже никто не выискивал между строк его послания намеков на возрождение СССР или угроз Западу. Напротив, он все больше представлялся Западу своего рода «Горбачевым номер два».

Смысл институционализма, несколько упрощенно, состоит в том, что рыночная экономика не формируется на основе рынка, что ее базис – это нерыночные по сути своей институты. Например, правовые нормы. Но для обеспечения права необходимо государство, которое будут строить люди, принципиально чуждые коммерческим интересам. Проще говоря, государство с рыночной экономикой не могут строить люди с рыночной психологией

Примечательно, что ту часть своей речи, где говорилось о демократии и свободе, Медведев произнес по-английски. Помимо того, что это произвело сильное впечатление на участников форума, в подобном билингвизме скрывался тонкий намек: фраза о свободе, которая лучше несвободы, была придумана специально для западной публики.

На первый взгляд, выражение *freedom is better than non-freedom* весьма напоминает афоризм кого-нибудь из известных политических деятелей. Однако на самом деле копирайт у этой фразы отсутствует – если кто-то из великих и произносил ее, то история не успела утвердить его авторское право*.

Другое дело, что конструкция *is better than non-* является достаточно распространенной в английском языке. Медведеву, собственно, нужно было лишь подставить в эту конструкцию слова *freedom* и *non-freedom*, и вышел запоминающийся политический афоризм.

Интересно, что тремя месяцами раньше оппозиция *freedom is better than non-freedom* была использована уже бывшим советником президента Андреем Илларионовым в его программной речи «Freedom Vs. Non-Freedom: A View from

* При желании можно проследить корни этого высказывания – от латинского *Peritor visa est periculosa libertas quieto servitio* («Свобода в опасности лучше рабства в покое») до знаменитого лозунга Долорес Ибаррури *Mas vale morir de pie que vivir de rodillas* («Лучше умереть стоя, чем жить на коленях»). В любом случае эта формула опирается на мощную традицию, пронизывающую всю европейскую цивилизацию.

Russia» (прочитана 3 октября 2006 года в Чикаго, опубликована в январе 2007 года в дайджесте Хиллсайд Колледж). Перечисляя причины, по которым «свобода лучше несвободы», Илларионов отмечал: «свобода – не роскошь, а очень эффективный инструмент, без которого невозможно процветание, безопасность, развитие ни личности, ни страны», «свобода обеспечивает безопасность», «свобода усиливает экономическую, политическую и военную мощь» и т. д. «Свободные страны, безусловно, являются более процветающими, чем несвободные», – постулировал Илларионов. Сравним это с речью Медведева в Давосе. «Мы хорошо понимаем, что еще ни одно недемократическое государство не стало по-настоящему процветающим, по одной простой причине: свобода – лучше несвободы». Совпадение?

Стоит отметить, что Илларионов и Медведев в некотором смысле коллеги: оба работали в Администрации президента с 2000 по 2005 год Медведев: первым – заместителем руководителя администрации, затем – руководителем АП, Илларионов – советником президента по вопросам экономики. Интересно также и то, что оба текста написаны по-английски. Поневоле создается впечатление, что речь идет о совместно разработанной концепции, направленной на формирование в общественном мнении Запада нового тренда – к власти в России могут прийти либералы, ориентированные на священные ценности западной цивилизации: свободу личности, права человека, верховенство закона. Но так ли это на самом деле?

Скрытая полемика

При более внимательном ознакомлении с позициями Медведева и Илларионова становится ясно, что их бросающаяся в глаза «переключка» удачно маскирует скрытую полемику двух либералов – либертарианца и институционалиста. Для Медведева свобода – это аксиома. «Я действительно считаю, что это важнейший принцип жизни любого общества», – заявил он в интервью газете Financial Times 25 марта 2008 года, в третий раз повторив тезис о том, что свобода лучше несвободы. А в речи, произнесенной на церемонии вступления в должность Президента России, Медведев специально подчеркнул, что считает своей важнейшей задачей «дальнейшее развитие гражданских и экономических свобод, создание новых, самых широких возможностей для самореализации граждан». Обеспечение свобод должно быть смыслом и целью государственной политики.

Этот подход, во многом обусловленный юридическим образованием Медведева, существенно отличается от экономического либертарианства Илларионова. Для последнего свобода – главное условие достижения материального благополучия. Ссылаясь на исследования Heritage Foundation и других экспертных организаций, Илларионов указывает, что в свободных странах ВВП на душу населения в среднем колеблется от 28 000 до 30 000 долларов, тогда как в несвободных странах этот показатель редко превышает 4000. Свобода, в трактовке Илларионова, является условием *sine qua non* экономического роста. А недостаток свободы создает «непреодолимый барьер на пути процветания и экономического роста».

В то время как либерал Илларионов говорит о недостатке экономической свободы и отсутствии в России свободы политической, либерал Медведев сосредоточивается главным образом на свободе как правовом понятии; как указывал в свое время видный итальянский ученый и общественный деятель Бруно Леони «свобода... прежде всего, понятие правовое, потому что из него с неизбежностью следует целый комплекс правовых последствий»*.

Если в 2007 году месседж Медведева и Илларионова Западу мог восприниматься как общая платформа российских либералов, то чем дальше, тем больше становилось ясно, что в одни и те же слова они вкладывают совершенно разное значение.

С точки зрения либертарианцев, государства в экономике должно быть как можно меньше. Только это способно обеспечить максимальные темпы экономического роста. А институционалисты, к которым относится «поздний»

* Леони Б. Свобода и закон. М., 2008.

Медведев, считают, что задача государства – разработать те рамки и правила (институты), в которых и должно происходить экономическое развитие. Если эти институты будут разработаны правильно и в достаточном объеме, то развитие тоже будет адекватным – без перекосов вроде астрономического разрыва между десятью процентами самых богатых и десятью процентами самых бедных граждан страны. Прежде всего это, разумеется, касается судебной системы, но ею не ограничивается.

Впрочем, социал-либерализму Медведева (и всей той части прогрессивной бюрократии, к которой он обращается в своих выступлениях последнего времени), пока еще не вполне эмансипировавшемуся от либерализма экономического, требуется совершить еще несколько важных концептуальных рывков для правильного обоснования условий государственной активности. Свобода и развитие в рыночном обществе не являются продуктами рыночных сегментов этого общества, но чаще – следствием функционирования нерыночных анклавов, которые во взаимодействии с рынком и оказываются главным фактором социального прогресса.

*«Мы хорошо понимаем, что еще ни одно недемократическое государство не стало по-настоящему процветающим, по одной простой причине: свобода – лучше несвободы»,
сказал Медведев в Давосе*

Самый очевидный пример такого внерыночного анклава в рыночном обществе – это исследовательский университет германского или, точнее, американского образца. Университет должен быть как бы выключен из рынка, и только в этом случае уже во взаимодействии с бизнесом на новом этапе результаты университетских разработок дадут свой эффект.

Один из жестких критиков путинского госкапитализма последних лет отметил, что маленькие университетские центры в Америке с исследовательскими филиалами сделали больше для развития нанотехнологий, чем путинская государственная корпорация «Роснано». Так это или не так – не нам судить. Однако если в словах критика есть доля правды, то объясняется она, видимо, не столько тем, что в нормальном обществе государство бездействует, сколько тем, что оно признает необходимость опираться не на частный интерес (тем более – соотношенный с административными возможностями), но на те силы в обществе, которые по сути своей нерыночны.

Как пишет современный французский экономист Пьер Вельц, «в действительности, развитая рыночная экономика может функционировать, только мобилизуя все виды не-рыночных общественных ресурсов. Она очевидным образом основывается на гигантском аккумулировании материальных и нематериальных коллективных инфраструктур (физических объектов, образования, здоровья и т. д.), аккумулировании, о котором порой «забывают» частные игроки в наших странах»*.

Проще говоря, ну не нужно ученому, погруженному в тему молекулярной инженерии, воровать у самого себя деньги на продолжение исследований, поскольку это исследование и составляет смысл его жизни. Государству, а еще лучше государству в партнерстве с бизнесом, следует выискивать и поддерживать в обществе те нерыночные (в какой-то мере даже антирыночные) силы, наличие и процветание которых только и делает это общество прогрессивным и цивилизованным.

А для этого требуется в первую очередь серьезное реформирование самого общества – с тем чтобы в результате преобразований на первый план вышли люди, минимально зараженные частным интересом. Люди, в наименьшей степени раз-

* Veltz P. La mondialisation: de quoi parle-t-on? // Etudes pour une region, Region Nord-Pas de Calais, Conseil regional, № 82.

вращенные 1990-ми годами, когда общество со всеми своими партиями и СМИ оказалось в плену у корыстных олигархических групп, а научная среда — в зависимости от прекрасно встроившейся в рынок академической бюрократии.

Корректным ответом на этот вопрос будет: сейчас пока рано говорить о том, либерал ли новый российский президент. Пока что мы имеем дело с риторикой политика и проблемами управленца, которые частично пересекаются по сюжетам. Что касается риторики, она в основном либеральна, хотя оттенки ее могут варьироваться в зависимости от внешне- и внутривнутриполитической конъюнктуры. Управленческие проблемы могут меняться еще чаще, и очевидно, что в будущем Медведеву придется столкнуться с сотнями новых вопросов, которые, не исключено, потребуют от него перейти от разговоров об укреплении правосознания к характерным для прежнего президентства требованиям подчинения всех органов исполнительной власти президентской вертикали. Возможно, он сформулирует какой-то особый взгляд на парламентаризм, заинтересуется какими-то аспектами федерализма и т. д.

Между тем сейчас потребность как в обновленной предвыборной риторике, так и в специфических управленческих решениях вывела Медведева к правовой тематике, которую он удачно приложил и к вопросам взаимоотношения с Европой в своей Берлинской речи 5 июня 2008 года. Россия впервые с горбачевских времен заговорила не на языке экономического прагматизма, но предлагая решать большинство взаимных проблем посредством масштабных соглашений типа Договора о европейской безопасности, который мог бы позволить осуществить проект демилитаризации Восточной и Центральной Европы на основе соблюдения определенных правовых стандартов.

Самое главное, что Россия теперь обрела возможность выступать с такими проектами не с позиции слабости, а с позиции силы, при том что, как подчеркнул, сославшись на Черчилля, нынешний президент в своей речи на Петербургском экономическом форуме, «проблемы, связанные с победой, всегда более приятны, чем проблемы, связанные с поражением, но они неизмеримо сложнее». Очевидно, что и в других международных вопросах, с которыми сталкивается Россия, наблюдается дефицит правовых подходов. В первую очередь это можно сказать по поводу проблемы «непризнанных государств» на территории СНГ, коллективной безопасности в Евразии и т. д.

Возможно, в будущем выступления Медведева будут казаться уже не столь либеральными, а конкретные реалии внутренней или внешней политики заставят его обратиться не к правовым, а к силовым методам разрешения сложных ситуаций. Однако сейчас для нового президента чрезвычайно важно подчеркивать либеральную составляющую своей идеологической платформы, ибо это дает ему определенную свободу маневра и отделяет от той части российской политической элиты, которая ассоциируется с президентством Владимира Путина.

Понимая, что в обществе существует некоторая усталость от сочетания крайнего экономического прагматизма с излишней государственной жесткостью, Медведев явно пытается найти некий третий путь, золотую середину между этими крайностями, сценарий, который позволил бы, говоря кантовским языком, связать двух дьяволов — дьявола эгоистических интересов верхушки крупного бизнеса и дьявола корыстных appetitов государственной бюрократии — и заставить их служить интересам общества в целом.

Who is Mr. Medvedev?